

КНИГИ ЗА НЕДЕЛЮ

Лиза Новикова

На днях выходит новый роман **Бориса Акунина** «Ф. М.». Две заветные буквы в названии — это инициалы Федора Михайловича Достоевского, писателя, который стал для современных детективщиков чем-то вроде оправдания. И все благодаря расхожей идее о том, что роман «Преступление и наказание» тоже в своем роде детектив (если точнее, по словам Виктора Шкловского, — «полицейский роман»). То есть пример Достоевского подтверждает: у самого низкого жанра, словно у гадкого утенка, всегда остается надежда на волшебное превращение. Но грозит ли таковое нынешнему «ларечному» детективу? Борис Акунин попробовал взять ситуацию под контроль. Вместо того чтобы дотягивать детективы до уровня Достоевского, он приспособил Достоевского под нужды сегодняшнего потребителя массовой детективной продукции. Эта «пластическая операция» прошла как по маслу. И не удивительно, ведь практиковался Борис Акунин на Шекспире и Чехове. Может, кто забыл, но в библиографии знаменитого детективщика уже есть собственные «Гамлет» и «Чайка».

Одна из двух составляющих романа — стилизация «под Достоевского». Но — под Достоевского, раздавленно-го обстоятельствами. Акунин придумал «Преступлению и наказанию» раннюю редакцию под названием «Ириика»: якобы будущий классик вынужден был творить чуть ли не под диктовку корыстного издателя. Вроде бы действующие лица все те же. Но акунинский скальпель смело избавился от «жировых отложений» достоевского стиля: например, здесь под чистую убрана «фирменная» романная полифония. Сюжетная линия изменена полностью: здесь Раскольников лишь один из подозреваемых в целой серии жестоких убийств. Щедро вставлены искусственные имплантаты: так, Порфирий Петрович оказался из рода Фандориных.

Вот эта-то «теоририка» уже в наши дни становится предметом настоящей охоты — что стало уже второй составляющей романа. И опять же участники охоты, среди которых известный нам по романам «Алтын-толобас» и «Внеклассное чтение» Николас Фандорин, представляют все те же достоевские типажи. Происходит действие, правда, не в «бесноватом» Петербурге, а в современной Москве — от Солянки до Рублевки. Здесь есть депутат, комплексующий из-за своей смешной фамилии, есть чистая девушка, готовая на все ради своего больного брата Илюшечки, есть подросток с изломанными нервами и еще пренебрежительная алчная старушенция. Кстати, все необычное в персонажах, что у Достоевского составляло самую соль, у Акунина объясняется с медицинской точностью. Современным Раскольниковым и Мармеладовым здесь буквально ставятся диагнозы.

Работа получилась несколько грубоватой — швы видны. Потребовались даже финальные комментарии, в которых писатель разъясняет то, что не прописано в самом тексте. Однако задачей автора «Ф. М.» была вовсе не изощренная постмодернистская «игра в классики», отнюдь не всегда понятная широким читательским массам. Любителей подобного интеллектуального «паразитирования» на классике среди писателей и так хватает. Из последних примеров достаточно вспомнить немку Марианну Грубер, с похвальной серьезностью дописавшую за Кафку «Замок». Или поляка Павла Хюлле, продолжившего «Волшебную гору» Томаса Манна. Как настаивает сам Борис Акунин, он вызвался стать промежуточным звеном между нами и великим, но далеким «эфэмом». Проще говоря, чтобы «Преступление и наказание» возглавило завтрашние рейтинги продаж. Ведь был уже прецедент: благодаря телекранизации народу был возвращен роман «Идиот». И вот когда офандоренный Достоевский весь в медалях лежит упакованный и читатели вот-вот ринутся в библиотеки, Акунин поступает как какой-нибудь последний Свидригайлов. Открытым текстом он предлагает нам отгадать одну из загадок романа, за что получить некий вполне реальный, с золотом и каратами, «перстень Порфирия Петровича». Вот и отгадывайте, во что не верит господин Акунин — в себя, в Достоевского или в читателя.

Комментарий - 2008 - 17 мая - с. 27